

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ¹

© 2020 г. Е. Ю. Зубкова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: elena.zubkova@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 27.06.2020 г.

В статье рассматривается “советская жизнь” как интегральная модель перспективного изучения социальной истории России/СССР советского периода. Необходимость методологического и предметного синтеза в исследовании феномена советского обусловлена как задачами развития исторического знания, так и вызовами постсоветской ностальгии, коллективной памяти о советском прошлом. По каким критериям можно структурировать/реконструировать “советскую жизнь”? Насколько удачным/неудачным оказался прошлый опыт создания интегральных моделей советской социальной реальности? Как он помогает оценить перспективы изучения советского проекта в целом? Статья – не только попытка ответить на эти вопросы, но и приглашение к обсуждению перспектив развития социальной истории России.

Ключевые слова: Россия/СССР, социальная история, советская жизнь, история повседневности, постсоветская ностальгия.

DOI: 10.31857/S0869587320090091

Советский проект в самых разных своих проявлениях всегда привлекал внимание экспертов – историков, политологов, социологов, культурологов. Социальная история, пережив в конце 1990-х годов своего рода историографический бум, превратилась в одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений исследований феномена советского. Её популярность во многом связана не только с широтой предмета, но и с восприимчивостью к междисциплинарным методам,

органичным – хотя часто непересекающимся – сосуществованием макро- и микроистории, а также некоторой общностью источниковой базы. За годы стремительного развития социальной истории России советского периода удалось накопить внушительный историографический багаж. Его комплексная инвентаризация – задача специального исследования. Однако уже сейчас очевидно, что этот опыт не просто нуждается в обобщении. Он должен стать стартовой площадкой для новых исследований, аккумулирующих знания о советской реальности и верифицирующих предложенные модели её объяснения. Поэтому главная перспектива развития *социальной истории советского* – синтез: методологический и предметный.

Разработка интегральных исследовательских стратегий – проблема, актуальная не только для социальной истории России XX в. Л.П. Репина, отслеживая тенденции мировой историографии, ещё в конце 1990-х годов обосновала необходимость междисциплинарного синтеза как новой познавательной ориентации социальной истории [1]. С тех пор на эту тему написано уже немало [2–4], и высказанные идеи успешно реализуются в конкретных исследованиях. Вместе с тем опыты

ЗУБКОВА Елена Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

¹ Статья впервые опубликована в журнале “Российская история” (2019. № 5. С. 3–14).

предметного синтеза, основанные на использовании интегральных предметных моделей для изучения феномена советского, пока являются скорее исключением. Отмечу три книги, весьма разные по замыслу, методологии и стилю. А.В. Юрчак использовал модель синтеза для реконструкции жизни *одного поколения* — позднесоветского [5]. Ю.Л. Слёзкин сделал практически то же самое, но в масштабе микромира, точнее *микрокосма* советского — “Дома на Набережной” [6]. Н.Б. Лебина предложила своего рода книгу-конструктор, из которого каждый читатель может собрать собственный *советский мир* [7, 8]. Мы проходим сейчас поисковый период, когда необходимость *конструирования советского* — создания целого из фрагментов — уже вполне осознана научным сообществом, но сохраняется дистанция между идеей и её воплощением. Европейский университет (Санкт-Петербург) с 2007 г. проводит ежегодные конференции и издаёт сборники статей в рамках проекта «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности». Примечательно, что участниками проекта являются аспиранты и молодые учёные, родившиеся или прошедшие социализацию в постсоветский период, для которых советский опыт уже не является территорией личной истории.

В данной статье, которая носит характер не столько постановочный, сколько импульсный и в чём-то провокационный, в качестве интегральной исследовательской модели предлагается феномен *советская жизнь*. Идея эта родилась не сегодня. Несколько лет назад готовился к изданию очередной том серии “Документы советской истории”, посвящённый *советской повседневности* послевоенных лет. Логика источника вывела сборник за привычные границы истории повседневности, но при этом его содержание более адекватно и объёмно отражало социальную реальность того времени — условия и стратегии существования граждан страны. Так появилось новое название — “советская жизнь” [9]. Однако возникают естественные вопросы. В какой степени это понятие поддаётся концептуализации? По каким критериям можно структурировать/реконструировать *советскую жизнь*? Насколько удачными/неудачными оказались прошлые опыты создания интегральных моделей советской социальной реальности? Как они помогают оценить перспективы изучения феномена *советского*?

ВЫЗОВЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ НОСТАЛЬГИИ

Весомый аргумент в пользу использования понятия “советская жизнь” для обозначения предмета исторического исследования дал современный опыт коллективного освоения советского прошлого. Одно из наиболее заметных явлений

на этом поле — постсоветская ностальгия. Историческая наука и коллективная память, как известно, представляют собой разные форматы, разные способы осмысления прошлого. Вместе с тем “историк всегда помнит о том, что конструируемое им прошлое раньше было чьим-то настоящим” [10, с. 5]. Советский период истории — особая территория познания: здесь прошлое всё ещё плотно сосуществует с настоящим, воспоминания не только не “остыли”, но и активно участвуют в создании образов ушедшей реальности.

Как правило, они насыщены положительным смыслом. Социологи Левада-Центра, изучающие отношение россиян к факту распада Советского Союза, уже на рубеже 1990–2000-х годов отмечали ностальгию по СССР как устойчивый феномен [11]. В начале 2000-х доля сожалеющих о распаде советского государства составляла 68–75% опрошенных. Спустя почти 20 лет, согласно опросу, проведённому в ноябре 2018 г., аналогичный ответ дали 66% респондентов (рост с 58% годом ранее) [12]. Появился особый показатель — “индекс ностальгии по СССР”, измеряющий такую среди различных возрастных групп. Нас, впрочем, интересует не столько сам факт таких настроений, сколько их причины. Предлагаемый Левада-Центром выбор ответов не слишком широк и вынужденно — в целях фиксации динамики — ориентирован на более ранние опросы. Вместе с тем можно наблюдать одну характерную тенденцию: постепенное снижение доли политических (утрата принадлежности к великой державе) и экономических (разрушение единой экономической системы) мотиваций и увеличение удельного веса аргументов, связанных с условиями жизни и отношениями людей внутри социума. Ностальгия сохраняет преимущественно эстетическую природу, но в картине советской реальности, конструируемой в коллективной памяти, образ государства постепенно меркнет: *тоска по державе* уступает место *тоске по смыслам* [5, с. 45]. Может быть, поэтому люди, положительно оценивающие советский период истории, в том числе и своей личной истории, вовсе не пытаются вернуться “назад в СССР”?

Ещё более очевидно данную тенденцию демонстрирует российская блогосфера. Благодаря информационным технологиям Интернет стал едва ли не главной площадкой, где создаются и транслируются образы советского прошлого, организуются сообщества, объединённые общими воспоминаниями [13, 14]. Причём в виртуальном пространстве произошла своего рода музеефикация советского прошлого, которая материализовалась в феномене “народных музеев” [15–17]. Этот процесс всегда связан с отбором — хронологического периода, событий, символов прошлого. Интернет-сообщества и “народные музеи” в большинстве своём сфокусированы

на 1970–1980-х годах — территории воспоминаний последнего советского поколения. Другая особенность ностальгической музеификации заключена в наполнении импровизированных экспозиций. Как полагает Р.Н. Абрамов, энтузиастами движет прежде всего стремление «выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощённые в устройстве повседневной жизни “простых советских людей”» [15, с. 4].

Один из первых и наиболее ярких проектов “народного музея” советской эпохи — “Музей социалистического быта”, открывшийся в 2011 г. в Казани. Расположенный в бывшей коммунальной квартире, он представляет собой внушительную по объёму коллекцию артефактов 1970–1980-х годов: предметов повседневности, одежды, детских игрушек, парфюмерии, музыкальных инструментов и т.д. Организаторы считают, что этот набор помогает понять, “чем совсем ещё недавно жила огромная многонациональная страна под гордым названием СССР” [18]. Инициаторы аналогичного проекта в Санкт-Петербурге пишут: “Цель музея — не показать достижения советского периода, а вызвать у людей тёплые воспоминания и положительные эмоции” [19]. Экспозиции вполне отвечают этой цели: несмотря на приглашение “совершить тур в светлое прошлое”, они не несут идеологической заданности и вовсе не чужды иронии/самоиронии над прошлым (например, среди экспонатов можно увидеть тунику, сшитую из пионерских галстуков, или куртку из обложек партийных билетов).

“Народный музей”, реконструирующий советскую жизнь, — не столько форма сакрализации прошлого, сколько, пользуясь выражением С. Бойм, “общее место” памяти [20] и показа вещного мира советского. Названия музеев социалистического быта лишь частично отражают как замысел инициаторов, так и состав коллекций. Не случайно в английском варианте они звучат более точно: “Museum of Soviet Lifestyle”. Советский стиль/образ жизни, безусловно, прочитывается в собраниях, но с точки зрения организации экспозиций они больше напоминают лавку древностей, способную разве что удовлетворить “антикварное” любопытство посетителей, но не предлагающую сколько-нибудь цельной картины социальной реальности [15, с. 11, 12]. Впрочем, организаторы музеев, не будучи профессионалами, и не ставили перед собой такой задачи. Другое дело — историки. Есть повод присмотреться к этому любопытному феномену: в конце концов, часто именно в сфере коллективных воспоминаний формируется своего рода социальный заказ: запрос, определяющий перспективную предметную область для исторических исследований.

Речь идёт о профессиональном ответе на ностальгический вызов, использовании *познава-*

тельного потенциала ностальгических настроений, а вовсе не о следовании за модой и создании истории в этом ракурсе. Тем более что в публикациях, превращающих прошлое “в любимый парк культуры и отдыха” [20, с. 295], недостатка как раз нет. В одной из работ, посвящённых “будущему ностальгии”, автор предложила развивать теорию и практику не *ретроспективной*, а *проспективной* ностальгии, когда “любовь к руинам сочетается с поиском свободы, а невостребованное прошлое открывает новые дороги в будущем” [21]. Трактория познания “проспективной ностальгии” в направлении освоения “непредусмотренного прошлого” часто идёт в обход общепринятых концепций, методик и особенно бинарных оппозиций [5, с. 38–44].

Одной из первых попыток преодоления бинарного восприятия советской социальной реальности и одновременно опережающей — в сравнении с профессиональной историографией — реакцией на “ностальгический вызов” является медиа-проект Л.Г. Парфёнова “Намедни”. Начатый в конце 1990-х годов как серия телевизионных фильмов, он продолжился в книжном и Интернет-вариантах и представляет собой “свод феноменов советского периода — попытку увидеть главные черты этой цивилизации”. Принцип его построения — монтаж событий, людей, явлений [22]. Критерии отбора обусловлены спецификой жанра журналистики (“то, без чего нас невозможно представить, ещё труднее понять”) и форматом подачи на ТВ (“телегеничностью” [23]). Уже в силу этого обстоятельства такие сюжеты нельзя оценивать с точки зрения научной корректности. Однако реконструкция получилась хотя и не вполне отрефлексированной, но более объёмной и многогранной, чем в большинстве исторических трудов.

Произошло это за счёт совмещения разных оптик восприятия и презентации советского: “большой” и “малой” истории, политики и повседневности, внутренней жизни и мирового контекста. Наложение различных форматов реальности, синхронизация разномасштабных процессов и явлений свойственны картине мира и жизненным стратегиям “обычного” человека. Для него очередной “исторический” партийный съезд или международный кризис — чаще всего не более чем кулиса, на фоне которой протекает его собственная, обременённая заботами и наполненная радостями жизнь. Историки и культурологи рассматривают “Намедни”, как правило, в русле ностальгического дискурса, хотя и позиционируют его как разновидность *рефлексирующей* (или *иронической*) [20, с. 301, 302; 21]) ностальгии [24, с. 56; 14, с. 68, 69; 25]. Для нас же данный проект представляет интерес прежде всего как основанный на синтезе и синхронизации опыта реконструкции социальной реальности.

Проекты медийного конструирования и презентации “жизни в СССР” существовали и в советское время. Они носили почти исключительно идеологический характер: отечественные пресса, радио, телевидение приложили немало усилий, чтобы создать и транслировать позитивные представления о стране как для внутренней, так и для зарубежной аудитории. Самый яркий пример — журнал “Soviet Life”. Основанный по соглашению между правительствами СССР и США в 1956 г. и выходивший на английском языке, он первоначально носил название “USSR”, но уже в 1960-е годы, ориентируясь на запросы аудитории, изменил не только название, но и содержание: американского читателя интересовала не большая политика, а реальная жизнь людей. Слово сочетание “советская жизнь” вошло в международный лексикон. Так конструировался собирательный “экспортный” образ советского.

СЛОВА И СМЫСЛЫ

В настоящее время словосочетание “советская жизнь” используется скорее как фигура речи (в лучшем случае) или как привычный, обыденный речевой оборот. Специалисты, выстраивая концепцию исследования, предпочитают заменять его другими понятиями (в числе лидеров — “советская повседневность”). Именно так поступили, например, участники одного из наиболее интересных для нашей темы проектов последних лет — “Советское в повседневности: прошлое и настоящее” (руководители: Лора Л. Адамс и Г. Айтпаева), призванного разработать интегральные учебные курсы (“модели для сборки”), помогающие студентам “разбираться в *разнообразии советской жизни*” (!) [26, с. 12]. Его содержание, несмотря на название, выходит за рамки истории повседневности [27].

Н.Б. Лебина использует понятия “советский быт”, “обыденная жизнь” [8]. А.В. Юрчак реконструирует интегральную модель советской жизни применительно к конкретному периоду истории, опираясь на опыт конкретного, позднесоветского, поколения. В качестве концептуальной рамки он выбрал понятие “советская система”, или просто “система”, но вложил в него иное содержание. Для него система — сложная конфигурация отношений, институтов, идентификаций и смыслов, из которых складывается *пространство жизни граждан* [5, с. 36, 37].

Откуда возникло это странное неприятие, почти боязнь использования понятия “советская жизнь”? Безусловно, можно указать на целый ряд причин: идеологическое обременение, нечёткость содержательных границ, обыденность восприятия и отсюда якобы “ненаучность”. Однако трудно найти смысловую конструкцию, способную сохранять идеологический “нейтралитет”

(пример — та же “система”). Нечёткость границ, несмотря на скепсис критиков, когда-то не мешала, а тем более теперь не препятствует успешному развитию истории повседневности. Кажущаяся ненаучность понятия — всего лишь (точнее, в первую очередь) проблема *языка*. А язык научного исследования — это не столько *слова*, сколько *смыслы*, которые мы в них вкладываем. Поэтому самое время перейти от слов к смыслам.

Когда в 1960-х годах в Советском Союзе после более чем 30-летнего перерыва возобновились социологические исследования, Ю.А. Левада настаивал на системном подходе к изучению общества. В своих вызвавших большой резонанс, а потом объявленных крамольными лекциях по социологии он призвал рассматривать общественную жизнь как систему отношений, а отдельные её сферы — как части этой структуры (узлы системы): “Известно, что ни один человек не живёт и не действует только в сфере труда. Очевидно, ни один человек, независимо от профессии, не живёт только в сфере юридических или моральных отношений общества, каждый одновременно живёт и действует и в сфере производственной, и в сфере нормативной, юридической, моральной, эстетической и т.д.” [28, с. 15]. Точно так же жизнь трудно разделить на публичное и приватное, работу и досуг, духовное и материальное. Она не ограничивается сферой повседневности: это и повседневность, и одновременно разрыв с ней, когда повторяемость обыденных практик сменяется новыми опытами, впечатлениями, эмоциями. Неслучайно конкретные исследования истории советской повседневности нередко выходят за рамки собственно повседневной жизни.

Пытаясь реконструировать советскую жизнь, прежде всего необходимо изменить оптику восприятия объекта — от деталей к системе. Мне представляется, что в данном случае речь идёт о *системе бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определённых условиях — регулируемых (заданных) и возникающих спонтанно, обладающих устойчивыми признаками (закреплёнными в обыденных практиках и ритуалах) и одновременно подвижных, изменчивых*. Система строится по принципу *транспредметных*, перекрещивающихся проблемных полей — пространств/мест, практик, субъектов, атрибутов и символов. Такие поля имеют собственную, достаточно сложную конфигурацию: так, пространства представлены публичной, приватной, “третьей” сферой, общими и локальными форматами. Среди практик можно выделить потребительские, трудовые, досуговые, образовательные, родительские, селективные (включение/исключение), ритуальные, контрольные, “нормальные” (предписываемые), отклоняющиеся. Круг субъектов зависит от критериев социальной идентифика-

ции и методов исследования (демографический анализ, гендерный подход, история поколений и др.), ими могут выступать элитарные и маргинальные группы, женщины и мужчины, люди разных возрастных категорий (дети, молодёжь, пожилые), поколения, представители разных народов.

Множественность пространств, практик и субъектов позволяет фиксировать не только общие признаки условий и качества жизни в СССР, но и их специфику — социальную, гендерную, национальную, культурную, географическую. Жизнь в столице была иной, чем на периферии, в городе — не такой, как на селе, а жители советского Узбекистана и советской Эстонии существовали как будто в разных измерениях. Специфика гендерных ролей и стереотипов накладывала отпечаток на поведение человека на работе, в семье, на отдыхе, определяла особенности коммуникации, форматировала “мужские” и “женские” пространства. Неравный социальный статус и уровень достатка означали разную степень доступа к материальным ресурсам и благам. Важно за этим разнообразием не потерять предметный фокус, позволяющий маркировать “советскость” советской жизни (sic!).

Термин “*советскость*” (“sovietness”) вошёл в научный лексикон уже в конце 1990-х годов. Вместе с тем, как заметил М.Н. Губогло, ясности в его понимании нет до сих пор [29, с. 9]. Он используется в разных контекстах и в соответствии с разными методологическими принципами [29, 30], чаще всего в качестве характеристики социокультурной идентичности — либо применительно к общей категории “советский человек”, либо в более узком плане формирования надэтнической общности (“советского народа”) и характеристики межэтнических отношений в СССР и на постсоветском пространстве [31–34]. Системный анализ категории “советскость” в историческом контексте преобладания институтов и отношений власти, собственности, общества в СССР и современной России предложил Ю.С. Пивоваров [35–37]. Его понимание этой категории представляется мне вполне применимым и к задачам реконструкции особенностей советской жизни: *советскость как сочетание коридора возможностей и рамок ограничений* [36, с. 61, 62].

Советскость (советская специфика) не всегда артикулируется концептуально, но имплицитно присутствует в исследованиях советской повседневности. Одно из главных историографических направлений 2000-х годов — изучение вещного мира, символов (брендов) советского [7, 38, 39], одежды и моды [40–43]. Вопрос о том, что значит “быть советским”, Т. Джонстон вынес в название своей книги, посвящённой обществу 1920–1950-х годов [44]. Д. Фюрст использует термин “soviet-

ness” в монографии о последнем сталинском поколении [45]. Любопытно, что при обсуждении этих книг рецензенты акцентировали внимание на выявлении специфики “sovietness” и отклонений от неё [46, р. 947, 948; 47, р. 484, 485; 48, р. 1113–1115].

Вместе с тем в качестве идентификационного маркера системы бытования — советской жизни — концептуальные рамки советскости до сих пор фактически не использовались. Вероятно, первая эскизная попытка связать оба концепта — “советскость” и “советскую жизнь” — принадлежит В.А. Тишкову. Рассуждая об этнографии советскости, он писал: “В советской жизни многое было задвлено, прежде всего гражданские свободы и уважение к человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось: социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления: личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность” [49].

В реконструкции советской жизни как предмета исследования концепт “советскость” выполняет двойную функцию: социокультурную — как идентификационный маркер — и инструментальную, позволяющую выстроить систему координат жизнедеятельности социума (коридор возможностей и рамки ограничений). Советскость, безусловно, фиксирует специфику, однако она имеет сложную природу: задаёт норму, но одновременно допускает отклонения от неё. Представления об исключительности советского, в том числе почти абсолютной подконтрольности и управляемости сфер и субъектов советской жизни, её оторванности от основных тенденций модерности, сейчас могут быть отнесены к разряду историографических анахронизмов. Даже развитие сферы частной жизни в СССР, долгое время считавшейся едва ли не уничтоженной, в своей имманентной советскости вполне коррелировало с эволюцией приватности в западном мире [50]. Особенности советского рельефнее обозначались из постсоветской перспективы. Рамка советскости — и в частной, и в публичной сферах жизни — оказалась достаточно гибкой и проницаемой для того, чтобы граждане смогли приспособиться к постсоветской реальности. “По-видимому... по крайней мере какая-то часть публичной жизни в условиях государственно-социалистической диктатуры готовила граждан к этим переменам”, — к такому выводу пришли авторы книги о развитии публичной сферы в Советском Союзе [51, S. 10].

Но вместе с тем после распада СССР стало очевидно и другое: советскость не растворилась в постсоветской социальной реальности, а постоянно напоминала о себе. Уровень и качество жиз-

ни существенно изменились, а модели поведения, привычки, форматы коммуникации у многих людей остались прежними. Одними из первых эту тенденцию выявили социологи Левада-Центра, много лет изучавшие “советского человека” в динамике. Авторы проекта, задуманного в 1988 г. для описания “уходящей природы”, спустя десятилетия оказались вынуждены признать, что “природа” никуда не уходит. Советский человек воспроизводится, причём и в постсоветских поколениях [52]. Он больше не стоит в очередях, не гоняется за дефицитом и даже не ищет утешения на кухне товарища, но во многом живёт по меркам советской жизни.

У каждого исторического феномена есть хронологические рамки. С какого момента мы можем отсчитывать советскую жизнь? В этом вопросе я снова солидарна с Ю.С. Пивоваровым: советская жизнь стала “нормальной”, то есть приобрела черты устойчивости, примерно с середины 1950-х годов [35, с. 61]. А до этого? Главный субъект советской жизни — советский человек — в качестве целевого проекта был задуман раньше. И чрезвычайщина, мобилизационные стратегии тоже неотделимы от советскости, по крайней мере на довольно длительном этапе истории страны и её граждан. Поэтому исторически корректно разделить советскую жизнь на “чрезвычайный” (сталинский) и “нормальный” периоды.

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ: СУБЪЕКТЫ, ПРОСТРАНСТВА, ПРАКТИКИ

Безусловно, система бытования советских граждан имела специфику. Моя задача — эскизно обозначить лакуны в историографии, которая до сих пор носит весьма избирательный характер. Это отразилось на выборе хронологического периода, субъектов, сюжетов. В последние годы фокус начал смещаться на послевоенный и позднесоветский периоды, но историографический мейнстрим по-прежнему сосредоточен на 1920–1930-х годах. Среди субъектов советской жизни пальму первенства уверенно держат “женская” и “детская” истории [53–56]. Существует своеобразный историографический эйджизм, когда остаётся вне поля зрения, например, жизнь представителей старших возрастов (исключением из общей тенденции являются публикации М.В. Ромашовой [57, 58]). Советская жизнь — ещё и история поколений, причём не в демографическом, а в социокультурном смысле этого понятия: постреволюционное, фронтовое (участники Великой Отечественной войны), послевоенное, “шестидесятники”, позднесоветское. У каждого поколения своя история и своя советская жизнь [5, 45, 59–63].

Столь же избирательно освоены и пространства советской жизни. Это касается и публичной,

и частной, и “третьей” сферы (“третьего места”, по теории Р. Ольденбурга [64]). Последняя играла исключительно важную роль в условиях подконтрольности публичной и частной жизни. Как особое пространство коммуникации оно берёт начало в “голубых дунаях” послевоенных лет, ставших последним прибежищем фронтового братства, потом находит продолжение в молодёжных кафе периода “оттепели” и переформатируется в мини-пространства — кухни, гаража, качалки. На таких мини-пространствах — дворах, подъездах и подвалах многоэтажек — сделал акцент А. Голубев [65]. О коммунальных квартирах, долгое время формировавших жизненный мир советского, написано уже довольно много, как и о пришедших им на смену “хрущёвках” [66, с. 224–244; 67–70; 71, с. 165–193; 72; 73, с. 145–170]. Но большинство мини-пространств пока остаются вне поля зрения историков.

Специфика советской жизни рельефно отразилась в её практиках, например, ритуальных: приём в пионеры, ВЛКСМ, партию, отбор кандидатов для зарубежных поездок, комсомольские и партийные собрания. Чистки — обязательный атрибут партийной жизни 1920–1930-х годов — сохранились в другом виде (например, разбор персональных дел за “аморальное поведение”) как часть контрольного механизма, который, казалось, формировал социальный порядок (лучший текст на эту тему — стихотворение “Красный треугольник” А.А. Галича).

Особая тема — потребительские практики. Насколько и когда применимо к советской реальности “западное” понятие “консюмеризм”? Можно ли назвать советского человека потребителем в том смысле, о котором писал Ж. Бодрийяр [74, 75]? В какой степени *homo soveticus* являлся *homo consumens*? А. Берелович пишет по этому поводу: в 1970-х годах советское общество “полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять” [76, с. 64]. *Общество потребления в условиях дефицита* — ещё один феномен, изучение которого, по сути, только началось [77]. 24 декабря 1953 г. советские газеты сообщили две новости — о расстреле Л.П. Берии и об открытии главного университета страны — ГУМа. Это знаковое совпадение отметила зарубежная пресса. Спустя несколько лет немецкий еженедельник “Der Spiegel” писал о “дороге к ГУМу” как предвестнике “оттепели” — возвращении жизни в СССР в “нормальное” состояние [78, с. 28–35].

Советские досуговые пространства и практики, особенно позднесоветского периода — ещё одна территория, ждущая освоения. Работа и досуг оказывались тесно связаны — хотя бы потому, что доступ ко многим досуговым и тем более ре-

креационным возможностям зависел от производственных показателей, а особенно от контактов/связей. С. Ловелл предложил ещё один параметр измерения советского — *время*: “Если вы хотите понять, что такое досуг, вам следует изучить, как люди осмыслили труд... как они делили своё время. То, что вы обнаруживаете, оказывается вовсе не плавным переходом от труда к досугу, а сложными взаимодействиями между различными *переживаниями времени*” (курсив мой. — Е.З.) [79, с. 167].

Советская жизнь — для кого-то часть личного опыта, для других, “постсоветских” — вообще *terra incognita*. В любом случае это повод, наконец, более пристально присмотреться к этому весьма любопытному феномену.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В течение двух лет я вела курс “Советская жизнь: пространства, субъекты, практики” для студентов магистратуры Высшей школы экономики. Среди моих слушателей были, условно, “медиевисты” и “новисты”, то есть те, кто занимался периодом до XX в. и даже не российской историей, и будущие специалисты по истории России XX—XXI вв. Во время наших семинаров я отметила интересную закономерность: анализ легче давался “новистам”, а с синтезом — конструированием из деталей целого — успешнее справлялись “медиевисты”. Дело в том, что “новисты” лучше знакомы с историографией, проработавшей советскую жизнь в деталях, но не предложившей пока стратегии сборки. “Медиевистам” проще, поскольку у них, меньше обременённых деталями профессиональной историографии, имелась свобода манёвра. И тем и другим помогли близкие люди, поделившиеся опытом жизни в советской реальности. Мы вместе пытались собрать этот конструктор. Что-то из этого довольно амбициозного и непредсказуемого проекта получилось, что-то нет.

Данная статья — не анализ историографии и даже не “инструкция по сборке”, а всего лишь приглашение к обсуждению, как мне представляется, очень важной и перспективной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 2 // Социальная история. Ежегодник 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7–38.
2. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004.
3. *Репина Л.П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
4. *Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. М.: ИВИ РАН, 2009.
5. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
6. *Слэзкин Ю.* Дом Правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019.
7. *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
8. *Лебина Н.Б.* Пассажиры колбасного поезда. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003.
10. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.
11. *Седов Л.А.* Ностальгия по СССР. <https://www.levada.ru/2007/12/23/1-a-sedov-nostalgija-po-sssr>
12. Ностальгия по СССР. <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgija-po-sssr-2/>
13. *Абрамов Р.Н.* “Советский чердак” российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // INTER. 2011. № 6. С. 88–103.
14. *Фокин А.А.* Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64–73.
15. *Абрамов Р.Н.* Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
16. *Абрамов Р.Н.* Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. 2013. № 6. С. 8–11.
17. *Тимофеев Т.Ю.* Музеефикация СССР // Лабиринт. 2014. № 5. С. 25–33.
18. Музей социалистического быта. <http://muzeisb.ru/>
19. Музей социалистического быта. <http://muzeisb.ru/muzey-socialisticheskogo-byta-v-sankt-peterburge/>
20. *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
21. *Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3. <http://www.nlobooks.ru/node/3725>
22. *Парфёнов Л.Г.* Намедни. Наша эра. <https://namednibook.ru/volumes/1961-1970/>
23. *Парфёнов Л.Г.* “Наша история богата”. Интервью // Отечественные записки. 2004. № 5. <http://www.strana-oz.ru/2004/5/nasha-istoriya-bogata>
24. *Абрамов Р.Н., Чистякова А.А.* Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфёнова // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 52–58.
25. *Gorbachev O.* The *Namedni* project and the evolution of nostalgia in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 2015. V. 57. P. 180–194.

26. *Айтпаева Г., Адамс Л.Л.* Дом, работа и “советское” сквозь призму повседневности (на примерах России, Эстонии и Кыргызстана) // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* 2014. № 2. С. 12–20.
27. “Советская повседневность”. <https://sites.google.com/site/sovieteverydaylife>
28. *Левада Ю.А.* Сочинения / Сост. Т.В. Левада. М.: Карпов Е.В., 2011.
29. *Губогло М.Н.* Концепт “советскости” в этнолого-антропологическом контексте // *Вестник антропологии.* 2017. № 3. С. 204–221.
30. *Сомов В.А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // *Социологические исследования.* 2015. № 2. С. 12–20.
31. *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. М.: Собрание, 2010.
32. *Барбашин М.Ю.* “Советскость” в этносоциальном пространстве: этнические и институциональные процессы // *Политика и общество.* 2013. № 3. С. 368–372.
33. *Гайдук В.В., Смирнова К.И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2013. № 2. С. 79–87.
34. *Попов М.Е.* Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // *Национальная идентичность России и демографический кризис.* М.: Научный эксперт, 2007. С. 607–617.
35. *Пивоваров Ю.С.* “...И в развалинах век” // *Полис.* 2011. № 6. С. 52–77.
36. *Пивоваров Ю.С.* О “советском” и путях его преодоления (статья первая). *Советское Über alles* // *Полис.* 2014. № 1. С. 60–82.
37. *Пивоваров Ю.С.* О “советском” и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // *Полис.* 2014. № 2. С. 31–60.
38. *Лебина Н.Б.* Пассажиры колбасного поезда; Сделано в СССР: символы советской эпохи / Под ред. В. Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
39. Советские вещи: друзья, враги, предатели // *Новое литературное обозрение.* 2017. № 1. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017
40. *Барлетт Д.* Fashion East: призрак, бродивший по Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
41. *Гурова О.Ю.* Советское нижнее бельё: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
42. *Журавлёв С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 гг. М.: ИРИ РАН, 2013.
43. *Zakharova L.* Soviet Fashion in the 1950–1960s: regimentation, Western influences, and consumption strategies // *The Thaw: Soviet society and culture during the 1950s and 1960s* / Eds. D. Kozlov, E. Gilburd. Toronto: University of Toronto Press, 2013.
44. *Jonston T.* Being Soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin, 1939–1953. Oxford: Oxford University Press, USA, 2011.
45. *Fürst J.* Stalin’s last generation: Soviet post-war youth and the emergence of mature socialism. Oxford: Oxford University Press, USA, 2010.
46. *Slavic Review.* 2012. V. 71. № 4. P. 947–948.
47. *The Journal of Modern History.* 2013. V. 85. № 2. P. 484–485.
48. *Journal of Social History.* 2014. V. 47. № 4. P. 1113–1115.
49. *Тишков В.А.* Этнография советскости // *Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования.* М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 32–44.
50. *Зубкова Е.Ю.* Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // *Российская история.* 2011. № 3. С. 157–167.
51. *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten* / Hrsg. G. Rittersporn, M. Rolf, J. Behrends. Frankfurt a/M, 2003.
52. *Гудков Л.Д.* “Мы поняли, что советский человек никуда не уходит”. <https://www.levada.ru/2017/07/24/my-ponyali-chto-sovetskij-chelovek-nikuda-ne-uhodit>
53. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.: ИРИ РАН, СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
54. *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / Ред. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафонов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
55. *Kelly C.* Children’s world: growing up in Russia, 1890–1991. L.; New Haven, 2007.
56. *Kucherenko O.* Little soldiers. How Soviet children went to war. Oxford: Oxford University Press, 2011.
57. *Ромашова М.В.* “Дефицитная” бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // *Новое литературное обозрение.* 2015. № 5. <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/3/6r.html>
58. *Ромашова М.В.* Мировая история старения: от античности до современности // *Вестник Пермского университета.* 2017. № 1. С. 189–197.
59. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Изд-во АСТ, 1996.
60. *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
61. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
62. *Hellbeck J.* Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge, Mass.; London : Harvard university press, 2006.
63. *Zubok V.* Zhivago’s children: The last Russian intelligentsia. Cambridge; L., 2009.
64. *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие ме-

- ста “тусовок” как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
65. *Golubev A.* Elemental materialism: Objectifying power and selfhood in the late USSR, 1961–1991. Diss. Vancouver, 2016.
66. *Герасимова Е.* Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 224–244.
67. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
68. *Меерович М.П.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008.
69. *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М.: О.Г.И., 2001.
70. *Boym S.* Common places: mythologies of everyday life in Russia. London : Harvard univ. press, 1994.
71. Spaces in the Communal Apartment // Rittersporn G., Rolf M., Behrends J. (Hgs.). Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. S. 165–193.
72. *Obertreis J.* Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln: Bohlau, 2004.
73. *Reid S.E.* The meaning of home: “The only bit of the world you can have to yourself” // Borders of socialism. Private spheres of Soviet Russia. Basingstoke, 2006. P. 145–170.
74. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006.
75. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
76. *Берелович А.* Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4. С. 59–65.
77. *Иванова А.С.* Магазины “Берёзка”. Парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
78. *Die Straße zu “Gum”* // Der Spiegel. 1957. № 29. S. 28–35.
79. *Ловелл С.* Досуг в России: “свободное” время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136–173.